

А·Л·Е·К·С·А·Н·Д·Р

ИЛИЧЕВСКИЙ

МАТИСС

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И43

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Иличевский, Александр Викторович.

И43 Матисс: [роман] / Александр Иличевский. — Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. — 411, [5] с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-096059-0

Александр Иличевский — российский прозаик и поэт, автор романов «Соляра / Solara», «Ай-Петри», «Перс», «Математик», «Анархисты», «Орфики», сборников эссе и рассказов «Дождь для Данаи», «Пловец», «Ослиная челюсть», «Город заката. Прогулки по Стене», «Справа налево». Лауреат премий «Русский Букер» и «Большая книга».

Речь в романе «Матисс» не о знаменитом французском художнике, а о русском физике, который неожиданно решается на «перемену участи» и становится бродягой. А Матисс — это символ яркости, света, невозможного, того, чего не хватает в повседневной жизни герою, — он яростно противится обыденности и несвободе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096059-0

© Иличевский А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Пресня

I

— Пушай! Пушай! Бей, не жалеи! Вот как есть, вот сюда пусть бьет. — Вадя, поскользнувшись от порыва, шире распахивал полушубок, разрывал рубашку на сердце, и слезы лились, и он слабо отстранял от себя Надю, удерживающую его, чтобы он вдруг ненароком не настиг пацанов.

Их было четверо, беспризорников, и уязвленное при даме достоинство Вади обязывало бросить им вызов. В свете уличных фонарей ранним зимним вечером, в оттепель, загребая и буксуя в свежем снеге, они быстро шли по Малой Грузинской, озорно оборачивались, и старший, который был рослее и говорливее остальных, поддразнивал Вадю:

— Давай, давай, обезьян. Догони попробуй. Наваем — не подьешь.

У младшего, лет десяти, еще не исчезло с лица выражение доверчивости. Он шел, переходил на трусцу, снова шел, смотрел по сторонам. Вот его привлек вид заснеженного, замысловато подсве-

ченного Музея имени Тимирязева, необычного своей купеческой, теремковой, что ли, постройкой, — и напоминавшего картинку из книжки сказок. Но, увидев, что отстал, мальчик сгреб с парапета снег, скомкал снежок, охлопал его потуже, куснул, примерился замахом, бросил в Вадю и пустился догонять своих товарищей.

Вадя, пытаясь увернуться, закинулся навзничь, Надя его поддержала — и теперь застегивала на нем полушубок, выгребала снег из-за пазухи, снимала с шеи, с бороды, а он ревел, и Надя радовалась, что наконец-то беспризорники от них оторвутся и ей больше не будет страшно, что Вадю побьют.

Леонид Королев, человек лет тридцати пяти, товарный координатор мелкооптовой конторы, медленно ползший в автомобильной пробке по направлению к Пресне и от самого костёла наблюдавший это происшествие, знал, что уже несколько зим бомжи враждуют с беспризорниками. Что подростки, собираясь в группы, иногда убивают бомжей для устрашения, освобождая от соперничества ареал подпольного обитания: путевые туннели вокзалов, ниши путепроводов, сухие коллекторы, теплые подвалы, окрестности свалок, попрошайные посты. Что их стайная жестокость не знает пощады. Что бомжи, из-за развитой жадности не способные к общинным формам поведения, бессильны перед своими главными врагами.

Королев находился уже недалеко от поворота в свой переулок. Улица была захвачена бездушным скопищем автомобилей. Они рычали прого-

ревшими глушителями, свистели ослабшими ремнями, мурлыкали дорогими моторами, клацали шипованной резиной, бухали низкими частотами аудиосистем, там и тут с выездом на встречную крякали, рыгали, взывали спецсигналами. Автомобили прикрывали сгустки человеческой усталости, чванства, ненависти, беззаботности, безразличия, сосредоточенности...

Пробка была бедствием. Снег то валил, то в одну минуту прекращался, и можно было выключить «дворники», чтобы скоро снова их включить. Машина, столкнув подушку пара над капотом, ползла, буксовала, рыскала в слякоти, вдруг срывалась с места, он осаживал ее и подтягивался за растянутой гармошкой потока, сдерживаемого вновь зажегшимся на Пресне «красным». Королев не мог уже ни слушать радио, ни участвовать эмоционально в дорожном движении.

Хлопья снега, прилипнув к лобовому стеклу, оседали, смещались, становились прозрачными, текли. При первом столкновении со стеклом мелькала многоугольная структура снежинок, безукоризненно строгая и чистая, принесенная из жуткой вышины. Она возносила его над городом, над запруженными стальным светом улицами, над черным горбом реки, хордами проспектов, над высотками и взгорьями улиц, над безмолвием мятущихся полотнищ снегопада, за муть низких рваных облаков — туда, где блестели звезды, где постепенно он набирался отрешенности, восходя все выше и дальше над холмистой икрой городских огней, — и этот подъем был его глубоким вздохом.

Втыкая передачу, Королев с яростью подумал о том, что неживое приличнее человеческого, что в строгом устройстве крохотного кристалла больше смысла, красоты, чего-то значимого, что объяснило бы ему, ради чего он живет, чем в бездне людского, переполнившего этот город.

С каждой подвижкой пробки он нагонял эту парочку бомжей. Они резко выделялись из всего, что можно было увидеть на улице, поглощенной спинами, походкой пешеходов, суетой торговцев, клерков, возбужденной иноходью подростков, от метро целившихся на клубные вечеринки, ленивой наглостью дорожных, муниципальных, рекламно-щитовых рабочих. И хоть лиц не было видно, в самих силуэтах этой пары, в движениях, в том, как она удерживала его, напряженно устремив к нему все свое существо, а он — коренастый, бородатый, расхристанный, нараспашку — нетвердо стоял на ногах, стараясь дрожащими пальцами провести по ее космам, поцеловать в висок, — была драма, во всяком случае что-то чрезвычайное, настолько «не из жизни», что напоминало оперу, перечеркивало кипучий морок города.

II

Королев уже был знаком с Вадей и Надей, но не знал их имен. Подъезд его не был оснащен домофоном, а механический кодовый замок легко открывался нажатием затертых трех последних в ряду кнопок — тычком кулака или запястья. Самое легкодоступное парадное на всей улице. В мо-

розные ночи с полуночи до семи утра площадка между третьим и четвертым этажами оказывалась занята бомжами. Поздно возвращаясь, приходилось переступать через них, и дурнота подкатывала от запаха, становившегося все гуще, все невозможнее, расходясь по колодцу подъезда по мере того, как их рванье, обмотки оттаивали у единственной на все верхние этажи батареи. Бомжи — это могла быть толстая старуха, или парень в «ко-сухе» и расплзшихся валенках с калошами, каждый раз стеливший под себя его придверный коврик, или одноногий лысый старик в бушлате, от которого он однажды услышал вздох: «Спаси, Господи», — или кто угодно, кто сливался для него в один опухший безобразный тип, — прятали лица и бурчали, и Королев ошибочно принимал это бурчание за извинения.

Он жил в этом доме уже третий год, в собственной квартире, за которую еще не выплатил заем. Выросший в интернате и возмужавший в общежитии, в течение жизни остро ощущавший бездомность, скитавшийся то по друзьям, откуда его выживали друзей подруги, то по съемным квартирам, то по квартирам подруг, так и не ставших женами, не однажды из-за жилищных неурядиц проводивший ночи на вокзалах, где мечтал уехать в новую жизнь, или до утра гулявший по Бульварному кольцу, засыпая под утро на скамейке, — поначалу он привечал бомжей. Он так радовался своей квартире, тому, что есть у него теперь свой угол, что считал невозможным не поделиться, хотя бы и косвенно, частичкой своей устроенности. Он выносил им газеты, чтоб стелили себе, и поил чаем

из одноразовых стаканов, прося убирать, уносить промоченные газеты, картонки, тряпки, не оставлять пустые бутылки, вонючий хлам. Он утихомиривал соседку снизу — носатую старуху, айсорку, ругавшуюся, что вот он их приваживает, что они ходят здесь под себя и никогда не убирают.

— Но, Наиля Иосифовна, послушайте, как можно выгнать на мороз полуживого человека? — урезонивал ее Королев, и безликое вонючее существо на площадке принималось бурчать. — Он ведь до вокзала не дойдет, да и не пустят его, и в метро его не пустят, и в ночлежку принимают только трезвых. Если ментов вызвать — они его или забьют, или погонят от подъезда. Охота вам грех на душу брать?

Старуха махала рукой, фыркала и скрежетала дверью. Королев после, затаив дыхание, и — не выдерживая, вдыхая, судорожно кусая воздух со стороны, — обращался к бомжам с просьбой все-таки не ходить под себя. Те снова что-то бурчали, елозили, звенели бутылками, шуршали газетами, и снова Королев почему-то принимал это за знак согласия, а утром видел, как унылый узбек-дворник бельевыми щипцами уминает в мешке последствия бомжевой стоянки.

Зажав нос, Королев на ходу совал безмолвному узбеку купюру, сбегал вниз, и покуда его тузил колотун в заиндеветшей машине, под капотом которой стучал и бился никак не желавший прогреться мотор, убеждал себя, что немощным нетрезвым людям тяжело, почти невозможно подыматься со сна и по нужде спускаться из тепла на мороз.

Привечать бомжей он бросил прошлой зимой, после двух случаев. После груды дерьма, обнаруженной на ступеньках, и драки, устроенной бездомными промеж собой, с прибывшими хамскими ментами, лужей крови и брошенным сапожным ножом.

Вечером того же дня он увидел на вымытой площадке толстую старуху. Он заорал на нее и затопал ногами. Он кричал, чтобы она немедленно убиралась, набирал на мобильном «02», но было занято, и снова орал, то поднимаясь по ступенькам к себе, то набегая обратно вниз. Старуха стала собираться, кряхтеть, поворачиваться, и он задохнулся от накатившей от ее шевелений вони. Как-то даже опрокинулся, осел, стих. Тогда вышла Наиля Иосифовна и, хватаясь за ворот халата, грозя кому-то, закричала:

— Замолчите! За-мол-чите.

И тут же скрылась за дверью.

Королев видел, как в ее огромных базедовых глазах стояли слезы.

Под усилившееся бурчание бомжихи он поспешил исчезнуть.

III

Несмотря на регулярно загаживаемые дверные коврики, которые нарезал из лоскутов ворсистого покрытия, оставшихся после ремонта, — он ни разу не прогнал бомжей.

Поначалу мысленно предоставлял заниматься ими Наиле Иосифовне. А та все никак не решалась себя проявить. Тогда стал ждать, что кто-то

еще ополчится на бомжей. Но прочие жильцы третьего и четвертого этажей либо ложились рано, а вставали поздно, либо вовсе месяцами не выходили из дому и поэтому не интересовались содержанием подъезда.

Этажом выше одна квартира пустовала, в нее маклеры водили перепуганных покупателей. В другой поселилась проститутка, похожая на актрису из итальянского фильма 1950-х годов о жизни рыбацкого поселка. Королев несколько раз видел этот фильм в детстве — к ним в интернат по субботам привозили что ни попадя, из вторичного проката. Крутили в столовке. Киномеханик на подоконнике обжимался с медсестрой и не сразу реагировал на свист и вопли: «Сапог! Сапог! Убери!» В мучительных паузах трескучих поцелуев слышно было, как шелестит лента, рывками дергая катушки; как мышшь шебуршит и гоняет корку по плитусу. На залатанном экране девушка бесконечной красоты, в тельняшке, с толкавшимися в ней грудями, с разметанными ветром волосами, по колено в пене прибоя влекла на глубину рыбацкую лодку, забиралась в нее, развертывала парус, и Королев лишался дыхания.

Две бандерши, с опрокинутыми, но деловыми лицами, гремя ключами, в обеденное время водили к соседке богатых клиентов. Подвижные настороженные брюнеты, с загоревшей ухоженной кожей, нервно жуя резинку, мягко скрипели крокодиловыми мокасинами, сверкали часами из-под обшлагов, поблескивали пряжками портфелей, оставляли за собой тонкий узор парфюма. Их кожа, покровы их одежды были из мира дру-

того достатка: с массажным блеском, лаковыми морщинками, косметическим уходом.

Вечером девушка спускалась вниз. Закутавшись в короткую шубку, в туфлях на босу ногу, она рассеянно брела к Пресне по слякоти. Прохожие оглядывались на нее и сдерживали шаг. Королев несколько раз следил за ней и потом долго стоял на тротуаре, видя ее профиль в окне японского ресторана, покуда она разглядывала меню, пережевывала суши, рассеянно поправляла небрежную прическу, чуть раскрывала пухлые, чуткие губы, поглядывая то в зал, то на аквариум с парой ссорившихся цихлид, укрепленный под стойкой бара.

В третьей квартире вместе с престарелым отцом жил тихий жилистый парень, страдавший болезнью Дауна. Знакомы они не были, но при встрече он бодро кричал Королеву: «Здорóво!» — и протягивал сильную руку. Парень беспрерывно таскал вверх-вниз то мешки с картошкой или сетки с луком, то гантели, то связки разнокалиберных подшипников, нанизанных на проволоку, как баранки. Однажды у него лопнула связка, и подшипники страшно поскакали по ступенькам. Парень испугался и убежал. Королев собрал их по всему подъезду и сложил на подоконнике рядком. С тех пор они и лежали там, уже заржавленные, в них втыкали окурки.

На его этаже жили работники магазина садоводческого инвентаря, располагавшегося на территории Музея имени Тимирязева, — понурые, беспрестанно матерящиеся белорусы; по пятницам вечером они надирались на лавочке у подь-

езда. Начальство постоянно тасовало их между филиалами магазина, сегодня он видел одних, завтра других, послезавтра третьих, так что складывалось впечатление, что их там, в однокомнатной квартире, живет человек двадцать.

А прямо напротив обитала странная семья. Жена была религиозной, держала в строгости двух девочек-подростков. По воскресеньям водила их в церковь: вместе они — все три в платочках, с рюкзачками, в серых и лиловых курточках и длинных черных юбках, очень похожие друг на друга, — гуськом возвращались обратно. Молодая еще женщина всегда была мрачна и никогда с Королевым не здоровалась. Мужа, который тоже не отвечал на приветствия, она молча била смертным боем или не пускала в квартиру, когда время от времени сильно пьяненьким, не сразу одолевая кидаящиеся на грудь ступеньки, он возвращался домой с сумкой через плечо и бутылкой крепкого пива в руке. Муж был щуплый, но у него были могучие негнувшиеся пальцы, с черными толстыми ногтями на дюжих фалангах, которыми он охватывал бутылку, как авторучку, когда безмятежно засыпал на ступеньках под дверь. Такие руки Королев видел в детстве у мастеровых машиностроительного завода «Красный строитель», на остановке «Цемгигант» набивавшихся в задымленный тамбур пятичасовой подмосковной электрички: вечером, сбегая из интерната, они любили прокатиться в Коломну, поглазеть в зоомагазине на долгих меченосцев и парусных скалярий.

Однажды он присел рядом с заснувшим соседом, глотнул его пива — и долго, зачарованно рас-

сматривал эти пальцы. Электричка тормозила перед мостом у места впадения Москвы-реки в Оку — внизу проползала будка с часовым, взмывали фермы моста, колеса вдруг стучали гулко, значительно, — и вокруг во всю ширь разливался речной простор, с каплями куполов, стенами кремля, садами, огородами, каланчей... Как вдруг распахнулась дверь, и соседка, отстранив Королева, вытащила у мужа кошелек, ключи, сняла с него ботинки — и скрылась обратно. Весной она учинила развод, сменила личинку замка, бывший супруг пытался взломать дверь, после чего она стала ходить по квартирам с подписным листом, собирая деньги для монтажа домофона. Осенью муж снова жил с нею, девочки сделали себе модные стрижки, перестали носить глухие платочки, стали здороваться, но дверь в подъезде все так же легко открывал любой, кто хотел ее отворить, — ибо нужной суммы на домофон так и не скопилось.

IV

Надя и Вадя были образцовыми «заседателями» — так ночевавших на площадке бомжей называла Наиля Иосифовна. После них всегда было чисто, хоть отчетливый душок и висел в подъезде в утренние часы, пока его не замещали клубы табачного дыма, вырывавшиеся из ноздрей слоняющихся зачем-то туда и сюда белорусов. Эти двое, хоть и не без борьбы, мало-помалу отвадили от подъезда других бродяг. Теперь на площадке в углу стоял стертый березовый веник, обретенный на свалке на задах краснопресненских бань.